

Марина КАРИО родилась в семье дипломата, в детстве жила в странах Юго-Восточной Азии. Поэт, прозаик, эссеист. Член МГО Союза писателей России. Окончила Государственный политехнический университет, школу гидов-переводчиков при Московском лингвистическом университете. Работала в СМИ. Печатается с 1997 г. в международных альманахах «Литературная Вена», «Золотая строфа», русскоязычном журнале «Обзор» (США), в сборниках проекта «Библиотека современной Поэзии» регионального общественного фонда содействия современной поэзии «Светоч», в альманахах и сборниках МГО Союза писателей России, авторских сборниках. Живёт в Москве.

С ВИДОМ НА ГОРИЗОНТ. СЮИТА СОЛО

Suite dell solo (nostos algos)¹

*«Человеку, который не видел даже звёзд,
невозможно объяснить словами, как вы-
глядит солнце».*

Иоанн Богослов

1. Дыхание

Тебя называю на вы, а хочется просто по имени,
летающим павлином, неокаймлённой строкой...
Песнь шутовскую возникший глухой со щетиною
простёр чёрным веером над тягучей рекой...
И вьётся строка в ароматах свеч молчаливых,
названием «Эрос» отравлена присная мука.
Я вижу восход, и рассвет в переливах,
и как паука гладит нищего кровная скука...

¹ Сюита соло (ит.) (Ностальгия, гр.)

Нет Смерти! — Язык огнистый из плена!
 Отсватай от тьмы, как вино от вены японца!..
 Как жаль, я не шла за звездой Вифлеема,
 но жду осиянья восходящего солнца!

2. Старик и Море

Жизнь позволяет поставить «либо»,
 но замещает назойливым «если»...
 Падает дождь Саргассовой смесью,
 лопнувшим сердцем небесной глыбы.
 Старик и море, — как холст безвременья.
 Любовь — падение мужчины к женщине
 в простенке кухонном — прогрызло. В темени
 так непрестанно движенье к трещине.
 За жизнью смерть, за летом выпь нутра
 разьест, как ржавчина, этюд на чёрном.
 Смотри, как бог разделал ста-ри-ка,
 как сердце встало его покорно...
 И светят в том же небе звёзды.
 Жизнь, что он знал, была лишь жизнью дней...
 И горизонт обнимет море вздорным,
 и спляшут тени меж других теней...
 Чем это было? Поставить «либо»?
 Но одиночеству не по размеру «если»...
 Падает дождь Саргассовой смесью, —
 лопнувшим сердцем небесной глыбы.

3. Танец

Пружинит солнце с небосклона, словно мяч.
 Дым сигареты — плоть этилового света...
 Игрой двуглавой ставит свои меты
 священное величье в страх незряч.
 Волна с усердьем серебрит песок.

Творенье бога жутко и прекрасно.
Безлюдный берег лабиринтно-одинок,
в нём нет ни цели, ни желания, ни счастья...
В бескрайнее горит маяк, подточенный водой,
в коротком сне Иисуса сравнивая с Буддой, —
как стержень духа, не из тех, кто словоблудно
от жизни отрекается петлёй.
Кого снедает зависть даже к смерти,
а за спиною крылья, словно груз.
Кто дух крошит в бездушье в круговерти,
В ком истину обманом правит гнус...
Молчанье берега до ледяной, до боли,
и тонкий ветра свист длиннотно-крыл и зрим.
На дыбе вышнего так страстен и юдолен,
с бессмертием танцует «Элогим».

4. Silence

Богоборческое море
смотрит мне в лицо.
Небо, опустив глаза от горя,
тщится в зеленцо.

Горе — море, море горя
по края войдя,
в лабиринты аллегорий
среди плоти дня.

Бог — любовь иль человече...
Я — вода в сети.
Что — то пало мне на плечи, —
надобно нести.

Гаснет солнце перехлёстом
из земных углов.
Мой глагол и вера просто
глубины улов.

Вдруг не хватает водам веры,
что-то изнутри
хладнобедрюю гетерой
глоссит в эры три.

И в язычестве наружном
блудная луна
бредит в море, море — лужу:
— Бог, прости меня.

5. Logos

Кто твердил, весь мир
лишь игра на струнных,
и Шекспира Лир
предан ядом юных.

Кем привита кровь
во вселенской чаше...
И борьба, как дробь,
и закат всё краше...

И в глазницах лун
тает веком точка.
В волнах бродит мул,
как в тетради строчка...

И устав от пыли,
и в словах о прошлом,
с телом бугенвиллей
я, как будто, сросшись, —

не пророк, не птица,
и не шпорой бряцать,
я молю напиться,
не поправ, не спрятав,

лезу безуильно
в горы междуречья
жаждой бугенвильной
и волнистой речью.

И сама тогда я
стану счастьем вкратце,
горном белой стаи
и побегом в святцах.

Я прижмусь к тебе,
я замру, как Хронос,
у Кара — Тюбэ
слышен прялки голос.

Крым, 2015 г.

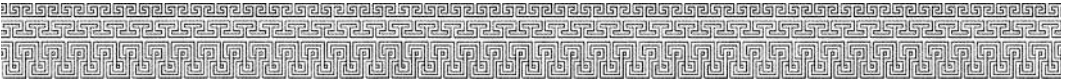
ЭТЮД ПЕРЕСМЕШНИКА. ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ

(Ивану Бунину)

Как ты живёшь? Как если бы осталась
лишь долька солнца с правотою влаги?..
Виновных нет. И нет вины. И тяги
итожить дни и горечи. А жалость,
как привкус, — ощущеньем наперёд...
Весь мир сумятицей, казалось, занят.
И звёзды вслед, из родословно-одиноких,
беззвучно шепчутся с собой. И канет
тот шепоток, как перст, в небесный лоск их.
Где в неразборчивости ликов и искус,
что толку вспоминать так вязко где-то...
и выговаривать судьбе, войдя во вкус, —
кляня того, что называют светом.

И не слышать. Слышишь, кается равнине ветер
в содеянных давно грехах?.. На вертел

он свяжет эти тайны о себе... И трижды
 в тон слепец блаженный повторит их в жизни.
 И роли сыграны послушно.
 Приметы, яви... Что до них на самом деле?
 Легко и пусто в этой колыбели, —
 не отличить воды от суши.
 Блаженство не накопишь впрок!
 Со вздоха начинался век-оброк...
 И с мифа день начнётся, и с завета.
 Спи, вечная фиеста... Нежный бог
 наутро нас оставит без ответа.

Арт-rhagos. Впечатление от театральных полотен
 Александра Головина

На тёмном фоне светлые предметы,
 в небесной радужке глазнится жёлтый диск.
 Дрожа мелодией с акцентом фиолета,
 искусно-пепельно порывист пианист.
 На золотом панно из хрусткого стекла,
 облокотясь о белые колена,
 жемчужною улыбкой день без тлена
 целует мёртвые слова.
 И в тишине однажды ангел чёрный
 разверзнет истину, как ключ, — надежда есть!
 И ангел белый, чуть усмешливый и вздорный,
 на ушко зрителю шепнёт благую весть.

